

Борхес и мы

Моск. новости. - 1999. - 30 авг. - с. 5.

Нынешний год удивительно богат на столетние литературные юбилеи. Сто лет исполнилось Набокову и Олеше, третью сотню разменял наш национальный поэт П. (глядя на его все еще висящие кое-где портреты с грамотно подделанной подписью, вспоминаешь библейский запрет изображать или упоминать всуе имя Бога), а теперь вот дошла «столетняя» очередь и до великого аргентинского «писателя-библиотекаря» Хорхе Луиса Борхеса.

Он пришел в этот мир в конце девятнадцатого века, а к нам добрался только в конце двадцатого, став в середине восьмидесятых годов кумиром тех, кого нынешние газеты по старой памяти называют «эстетствующей молодежью».

Вообще-то это очень удобно, когда писатель рождается в самом начале нового века или в самом конце предыдущего. Рука так и тянется написать что-нибудь типа: «он обобщил весь опыт своего (нашего) столетия» или «весь наш кровавый двадцатый явился в нем». Беда только в том, что никакого века Борхес не отобразил, да и не пытался отобразить. Потому что считал, что разделял людей по эпохам — такая же глупость, как делить их по цвету кожи, языку или крови.

«Лишь один-единственный человек родился, лишь один человек умер на земле. Утверждать обратное — пустая статистика, невозможное действие арифметического сложения... А человек этот — Улисс, Авель, Каин, первый человек, упорядочивший звезды, человек, построивший первую пирамиду, человек, который написал гексаграммы Книги Изменений, садовник Вольтера, Дарвин на носу «Бигля», неизвестный еврей в камере смерти, а со временем — ты и я».

По Борхесу, если история чему-то учит, то только тому,

что со временем люди не меняются и им постоянно приходится заучивать то, что до них уже узнали другие. Это — стена, о которую разбили головы бесчисленные архитекторы будущих счастливых обществ. Американский мечтатель японского происхождения Фрэнсис Фукуяма, написавший 10 лет назад свою статью «Конец истории?» о наступающей безмятежной эпохе всеобщего либерализма и процветающей рыночной экономики, в написанной на фоне косовских, дагестанских, пакистанских и прочих событий юбилейной статье пишет, что в нынешних условиях «конец истории» может быть обеспечен только изменением генокода человека. Генная инженерия, оказывается, «позволит нам достичь того, что социальной инженерии не удалось». Есть только одна проблема, которую Фукуяма нехотя признает: счастливые обитатели этого нового общества будут уже не людьми, а чем-то другим. И тут американо-японского мечтателя даже трудно осуждать: в самом деле, это бесконечное «второгодничество» представителей вида «гомо сапиенс», никак не могущих усвоить дорогие сердцу философа либеральные ценности и стать «смотрителями гигантского музея культуры человечества», способно вывести из терпения кого угодно.

Кого угодно, но только не Борхеса. У его истории конца просто не может быть, а своих героев он неустанно отправляет в сотый раз переписывать «Дон Кихота», отыскивая в нем что-то новое. Из-за этой его манеры его часто сравнивали то с библиотекарем, то с журналистом, без конца цитирующим то, что, казалось бы, всем известно. Как неприглядно выглядел он рядом с великолепным диктатором Пероном, который в издевку назначил его надзирать за продажей кро-

Ч Е Л О В Е К

Дмитрий БАБИЧ,

**редактор отдела
зарубежья «МН»**

ликов на рынке! Диктаторы, как и люди в целом, во все века одинаковы. Они всегда — лишь отражение среднего человека, ничему не желающего учиться, а книгам предпочитающего кроликов.

Хотя, может быть, это и хорошо, что люди должны всегда всему учиться заново? Каждый век, каждый год и даже каждый день? Представляете, какая это была бы скукотинка, если бы мы каждую минуту помнили про все эти проделки «персон века»: и про пакт Риббентропа — Молотова, и про Ленина со Сталиным, и про то, что первого сентября исполнится шестьдесят лет, как началась Вторая мировая война? Наверное, мы совершали бы меньше ошибок, но стали бы мы тогда вообще что-нибудь делать? И, что самое страшное, тогда нам, журналистам, не о чем было бы писать! Потому что нового под солнцем и в самом деле ничего нет: были уже когда-то у нас и Зюганов с Анпиловым, и фундаменталисты с Хаттабом (даже от имени этого веет чем-то родным из детских фильмов). А так мы снова, подобно Шахеразаде, преподносим вам свою 1001-ю сказку (простите, номер), надеясь (может быть, тщетно), что ее кто-то услышит. «Тысяча и одна ночь», кстати, — любимое произведение Борхеса. Потому что, как он доказал, у этого произведения нет конца.